

Актер, не принадлежащий никому

С ним считаются даже те, кто его не любит. И уважают те, кого не любит он. Хотя, говорят, симпатии и антипатии взаимны. С Виктором Гвоздичком все иначе. Судьба — с вывертом, слава парадоксальна. Как и компания его героев, в которой сошлись Карлсон и Казанова, Олелукойе и Арбенин, мизантроп Альцест и альфонс Буланов, поэт Пушкин и Поэт Введенского, король Эрик XIV и Людовик Великий, Подпольный человек и Порфирий Петрович Достоевского, Дон Жуан и Хлестаков, Подколесин и Тузенбах... Какая великолепная толпа!

Самое банальное, хотя и самое верное, было бы сказать о Гвоздичком — он опоздал родиться. Как шутит сам актер, театр, который он обожает, давно скончался. «Вульгарный демократизм» театра сегодняшнего ему претит. Все, что он делает, — как играет, говорит, пишет (а перо у него замечательное, шварцевское!), что любит, что помнит, чему поклоняется, — по нынешним меркам вызывающее старомодно. И ужасно элегантно.

Родись он на 50, да даже на 20 лет раньше, не так бы удивляла история мальчика из города Кропоткина, ставшего народным артистом России. В середине XX века это еще случалось. В начале века XXI, который ни кумиров, ни загадок не терпит, о справедливости не печется, а жаждет одной лишь общедоступности, история его признания выглядит небывалой. Кроме всего прочего, у Гвоздичкого, как у всех больших талантов, дурной характер — так гласит легенда. Он не облегчил свою жизнь общением с теми, кто вершит нынче актерскую славу. Брезглив, остер на язык, обидел в своей жизни многих. Не уважает театральную моду, хотя невероятно ценит стиль. Бездарности не прощает ничего, и в этом не знает жалости. Не любит журналистов, а с ними надо ладить. Сторонится среды, а с ней надо мириться. Через мелкое сито просеивает дружбы, а одиночество — тяжкое бремя. В самой зависимой театральной профессии он пытается жить не в связке, не в команде, не в группе, сохраняя свободу, «непринадлежность никому». Видимо, оторопев в конце концов от эдакой наглости, жизнь сдалась и приняла его таким, каков он есть.

Он никуда не спешил и везде успел. Теперь он в зените, сам — законодатель (раз появились подражатели), знамя интеллектуалов. Ему посвящены десятки статей, о нем интересно писать и молодым, и старым: его роли затейливы и хитроумны, как шарады. К нему проявило любопытство телевидение и кино. Он снялся всего в трех фильмах, но всех его героев заметили и обсуждали — Шалимова в «Летних людях» С. Урсуляка, Беню Крика в бабелевском «Закате» и Марка в сорокинской «Москве» (режиссер А. Зельдович). Сейчас он служит во МХАТе, играет в антрепризе у Бориса Юхананова (в паре с Лией Ахеджаковой), Валерий Фокин в Центре Мейерхольда не случайно выбрал именно его на роль Антонена Арто, великого театрального путаника и революционера.

Право Гвоздичкого — выбирать, отказывать, иметь мнение, быть «другим» — заработано двумя вещами: талантом и профессионализмом. Талант можно промотать, как наследство, профессионализма — не набраться. Можно некоторое время имитировать и то, и другое. Гвоздичкий далек в профессии и от мотовства, и от мистификаций. В 15 лет поступил в Ярославское театральное училище, а в 19 уже был зачислен в профессиональную труппу. Дальнейшую театральную науку постигал, что называется, на ходу. Но иногда это самый правильный путь. Талант умножал опытом и разминал умением, приучал к тщательности: самая страшная болезнь в актерской профессии — прилизанность.

У этого артиста мощная корневая система. Он, безусловно, наследник по прямой — тех черт,

что издавна отличали русский театр. Верность старинному театру он хранит как «любовь к отеческим гробам». Понятия «дом» и «климат» в театре для него не пустой звук. Как не фантазия уж совсем эфемерное — «воздух театра» и «запах кулис». Помимо таланта, в нем рано обнаружилось еще одно счастливое для творческого человека свойство — он умел глазеть и шляться. Очаровываться и восхищаться. Жадно впитывать и отбирать впечатления. С благодарностью принимал подарки судьбы.

Коллекционировал — города, театры, партнеров, режиссеров. Он оказался жутким скопидомом! Ничего не выбросил из памяти, все запомнил, у всех учился.

Жил в разных городах и сохранил в душе их все — и волжский Ярославль, колыбель первого профессионального театра в России, и европейскую Ригу с ее

бульварами и запахом кофе, и графичный, холодно-мраморный Петербург, и сумбурную, по-кустодиевски пеструю Москву. Всегда работал в театрах со шлейфом: Рижский ТЮЗ, БДТ, Театр комедии, «Эрмитаж», МХАТ.

Досконально познавал их стиль и привычки, любил даже родимые пятна. Он еще застал великих артистов. Но не просто застал, а успел разглядеть, расспросить, расслышать, запомнить — интонации, оценки, манеры, эскапады, кунштюки. (Одна только его многолетняя дружба с Еленой Юнгер, музой Николая Акимова, — очень красивый театральный роман.) Однажды он сформулировал, что «режиссеры делятся на тех, у кого можно учиться, и тех, кого никогда ничему нельзя научить». Работал, кажется, только с первыми, с лучшими, кого ни с кем не спутать: Адольфом Шапиро и Николаем Шейко, Петром Фоменко и Романом Виктюком, Камой Гинкасом и Генриеттой Яновской, Михаилом Левитиным, Олегом Ефремовым, Валерием Фокиным... Тут серьезно провисает легенда о дурном характере. В работе, судя по ре-

роль, сам театр, и важнее, может быть, не кого он сыграет, а как. Он умеет мыслить на сцене. Не философствовать, не декламировать, не раскрашивать слова, а через логарифмы подтекстов пробиваться к сути и ясности. Кому непонятно, советую пойти на мхатовский спектакль «Вечность и один день». У Гвоздичкого в нем всего три эпизода (спектакль играется в двух версиях, «мужской» и «женской»); вам непременно надо попасть на «женскую»). Три эпизодических лица, три самостоятельные новеллы актер играет, словно не касаясь пола и не погрязая в быту. И именно через эту игру наконец постигаешь и парадоксализм, и мудрость вымысла модного ныне Милорада Павича. Если вы еще не одолели его «Хазарский словарь», то, посмотрев игру Гвоздичкого, одолете непременно...

Задним числом в счастливой судьбе актера легко и приятно искать символику. Он родился в день Веры, Надежды и Любви. А одну из первых ролей сыграл в пьесе А. Гладкова «Молодость театра» — о вахтанговской студии. Главной репликой его героя там были слова: «Станиславский на извозчике приехал!». Выдыхал он эти слова восхищенным шепотом, так что казалось, вот-вот распахнутся двери Рижского ТЮЗа и в зал выйдет сам К. С. Улыбнется и сквозь пенсне с одобрением глянет на молодого актера. 30 сентября, когда Виктору Гвоздичкому исполнилось 50, все чествовали Мастера, Юрия Любимова. А 1 октября вспоминали Олега Ефремова, последним любимым артистом которого стал Гвоздичкий. Думаю, он и рад был бы скрыться в тени двух этих самых крупных театральных фигур и уйти от ответственности. Не вышло. Юбилей праздновать будут, но в конце октября, когда на сцене МХАТа имени Чехова состоится премьера. В свой бенефис Виктор Гвоздичкий сыграет в пьесе Леонида Андреева «Тот, кто получает пощечины».

Наталья КАЗЬМИНА.

На снимках: В. Гвоздичкий в ролях Арбенина («Маскарад») и Основы («Сон в летнюю ночь»).

Фото Ольги ЧУМАЧЕНКО.